

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Н. С. Плевако

Конфликт и консенсус в политике и на рынке труда

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/1995_6_Plevako.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС В ПОЛИТИКЕ И НА РЫНКЕ ТРУДА

Коллоквиум на эту тему провели 15–16 мая 1995 г. в Москве ИСПРАН и Шведский институт изучения проблем труда — влиятельная организация, пользующаяся поддержкой властей и профсоюзов.

Тон дискуссии во многом задал в своем вступительном докладе “Стратегия социального развития и проблемы оптимизации трудовых отношений в России” доктор экономических наук, заместитель директора ИСПРАН *С.В.Пронин*. Он наметил основные направления поиска новых форм и способов регулирования трудовых отношений как одного из важнейших элементов социально-экономической модернизации России. Ряд положений доклада был обозначен как “методологические предпосылки”. В их числе — понимание различий “социального” и “трудового” конфликтов. Традиционные пересечения их в социально-экономической и политической сферах, на микро- и макроуровнях сейчас существенно меняются во многих странах, в первую очередь в регионах “переходного периода” под влиянием сдвигов в геополитике, в социальных структурах и т.д. Выступавший исходил из весьма ограниченных возможностей формального наложения каких-либо моделей общественного развития одних стран на другие при одновременном выявлении общего вектора “прогрессивной модернизации”. Это касается, в частности, приложения к российской реальности модели производственных отношений западных стран, прежде всего ее основы — системы трехстороннего партнерства (профсоюзы — предприниматели — государство). Проблема усложняется тем, что не только в восточноевропейском и евроазиатском регионах, но и в указанных странах, по мнению докладчика, происходит трансформация производственных отношений, вносящая существенные коррективы в эту модель. Неоднозначно и содержание в различных случаях таких явлений, как “всеобщее благосостояние”, “социальное партнерство”, “корпоративные отношения”. Неодинакова в каждом случае и степень зрелости элементов, образующих “триаду”. Указывая на реально существующие противоречия во всех современных общественных системах, в т.ч. противоречий классового типа, которые пока еще рано

списывать в архив истории, Пронин высказал мнение, что ключом к пониманию конкретной реальности является синтетический подход — не только с позиций “классовой борьбы труда и капитала” классического марксистского типа, но и с позиций эволюционной модернизации нынешних общественных систем с элементами гражданского общества. В процессе такой модернизации увеличивается значение институционализированных, регулируемых общественных конфликтов, в которых ведущую роль играют многообразные “группы интересов” как социальных, так и корпоративных субъектов, институтов, движений. Такая постановка вопроса не объясняет, однако, считает ли докладчик классовую борьбу подлинной реальностью или продуктом сознания, навязанным той или иной мировоззренческой доктриной. Более четкого разъяснения требует и тезис доклада о том, что функция производственных отношений состоит в “социализации” масс и двух основных факторов производства — во имя устойчивости экономического роста и справедливого распределения благ. В связи с этим заслуживают внимания рассуждения Пронина о растущем влиянии на производственные отношения субъективных факторов. Оценивая потенциал социальной конфликтности в России, он отметил важность признания определенной частью правящих политических сил и нового буржуазного класса необходимости усилить социальные приоритеты реформ, выработать и реализовать стратегию “опоры на потенциал квалифицированного труда и сохранения демографического потенциала страны”.

В докладе доктора исторических наук *В.Согрина* (ИВИ РАН) социально-политическая основа консенсусного подхода к разрешению конфликтов в современном российском обществе связывалась с перспективами формирования и утверждения в политике умеренно-центристских сил. Поэтому Согрин поддержал выдвинутую властями схему двух блоков: право- и левоцентристского. Угроза консенсусной модели исходит, как считает докладчик, от влиятельных политических сил, выступающих с радикально-экстремистских позиций, в первую очередь со стороны КПРФ во главе с Г.Зюгановым.

В выступлении доктора исторических наук *В. Швейцера* (ИСПРАН) о пактах и соглашениях в системе социально-экономического партнерства на Западе было показано, что там консенсусная модель наглядно демонстрирует свои преимущества. В качестве основы консенсуса автор видит успешно функционирующую экономику. Остановился он и на принципиальной роли профсоюзов в формировании системы социально-политического партнерства. Но более широко эта тема была раскрыта в выступлениях других участников симпозиума.

Доктор исторических наук *С. Перегудов* (ИМЭМО РАН) в своем докладе выявил принципиальные различия в положении и месте профсоюзов в общественно-политической жизни России и стран Запада. Выделив как типы — “группы по интересам” и “группы одной цели”, выступавший обозначил в качестве наиболее типичных для первого типа — профсоюзы и для второго — крупные корпорации. Обрисовав сложную, противоречивую картину развития профсоюзного движения в постсоветской России, автор сделал вывод о том, что профсоюзы у нас, в отличие от профсоюзов в западноевропейских странах, еще не стали социально однородными, т.е. не превратились в “группы по интересам” (“заинтересованные группы”): профсоюзы включают в себя, наряду с работниками, также руководство и собственников предприятия. В результате те и другие выступают совместно в своих требованиях к власти. В отличие от их аналогов на Западе, навязывающих государству диалог путем организации собственных выступлений либо воздействующих на власть через политические партии и их парламентские фракции, профсоюзы в России слабо влияют на государство. Вместе с тем, отмечает Перегудов, включенность российских профсоюзов в политические процессы, в активные отношения с государством оказывается более интенсивной, чем у многих других общественных организаций. Вообще отторжение профсоюзов от политики, неразвитость их отношений с государством (что иногда интерпретируется как “проявление стабильности”), на самом деле являются, по мнению докладчика, симптомами социальной и политической апатии, чреватые непредсказуемыми переходами в активную неконтролируемую фазу с разрушительными последствиями.

Участников симпозиума с российской стороны интересовал вопрос о возможностях воспроизведения на отечественной почве западных моделей разрешения трудовых конфликтов. Поэтому большой интерес

у аудитории вызвал доклад шведских ученых *А. Юханссона* и *Л. Экдаля* “Конец исторического компромисса. Рабочее движение и меняющийся баланс власти в Швеции 1930 — 1990 гг.”. Авторы выдвинули оригинальную схему протекания социально-политических процессов в Швеции в указанный период. По их мнению, с 30-х годов шведское рабочее движение обрело некий “ресурс власти”. При этом он мог не только расширяться, но и сужаться, что зависело от баланса интересов, от целостности или степени разногласий внутри самого движения. Таким образом, “ресурс власти” выступает вообще как некая потенция, реализующаяся лишь в действии, при коллективном осознании интересов. Главное, подчеркивают Юханссон и Экдаль, — постоянно меняющаяся динамика схождения и расхождения интересов, определяющаяся тенденциями развития профсоюзного движения и — шире — социальной демократии. Исторический компромисс в Швеции между профсоюзами и предпринимателями, являясь показателем реализации “ресурса власти” рабочего движения, в то же время зависел от реакции противостоящей стороны. А она реагировала прежде всего на экономический рост и экспортную конъюнктуру. Именно эти объективные факторы обусловили в первую очередь разрыв между социал-демократами и промышленниками, побудили к переменам Шведское объединение предпринимателей. Его политика стала агрессивной, особенно после острых трудовых конфликтов 70-х годов. Часть промышленников пошла на демонтаж системы консенсусных отношений с профсоюзами, сложившейся в 1930 — 1950-х годах, когда предприниматели откликнулись на требования повышения заработной платы, стремясь избежать обострения конфликта труда и капитала у себя на производстве. Крах “политики солидарной заработной платы” по существу означал поражение экономической демократии. Расходящееся расхождение интересов рабочих различных отраслей (чем успешно воспользовались работодатели) наложило на известный идейный кризис социал-демократии, не сумевшей выработать новой стратегии. Доклад показал, что даже в такой стране, как Швеция, где социально-политический консенсус стал, кажется, характеризовать национальный менталитет, его реальная основа подвижна и может заметно сокращаться. К сожалению, авторы не дали прогноза изменений “ресурса власти” в связи со вступлением Швеции в ЕС.

В докладе “Роль политики благосостояния в социальной трансформации капита-

лизма (на примере Норвегии)”, *Х.Ибсен* рассмотрела еще одну ситуацию, когда консенсусная основа подвергается эрозии. В Норвегии, считает автор, консенсусу, нашедшему свое выражение в обществе благосостояния, угрожают два обстоятельства: во-первых, желание социал-демократии перехватить инициативу у предпринимательского класса, который на протяжении столетия стремился интегрировать рабочий класс в капиталистическую систему и был главным архитектором общества благосостояния; во-вторых, резкий рост роли ТНК и развитие интеграционных процессов в Европе, которые отодвигают на задний план традиционные ценности класса норвежских предпринимателей. Это естественный процесс, полагает докладчик, но он обязывает различные силы норвежского общества, прежде всего рабочее движение, выработать новые, перспективные идеи общественного развития, которые помогли бы перейти из обветшавшего здания общества благосостояния в новую постройку, где могут быть совмещены интересы ТНК, национального предпринимательства и массовых общественных движений.

На фоне докладов шведских специалистов, в основном исторических по содержанию и академических по тону, некоторые выступления представителей российской стороны выглядели весьма эмоциональными, отличались постановкой новых проблем и полемичной заостренностью выдвигаемых тезисов. *Б.Столповский* (ИСПРАН) попытался выявить как положительные, так и отрицательные для профсоюзов России последствия событий рубежа 80 — 90-х годов. К первым он относит отказ профсоюзов от навязанных им в советское время функций контроля и принуждения в отношении трудящихся, а также появление новых профсоюзных центров (начиная с ФНПР в 1990 г.). К негативным последствиям — глубокий раскол еще недавно “единого” советского профсоюзного движения. Докладчик считает, что власти, взявшие курс на воплощение неолиберальной модели экономики, не хотели бы иметь дело с сильными профсоюзами. В то же время Столповский именно в профсоюзах видит интегрирующий фактор, способный содействовать восстановлению экономических и политических связей между республиками бывшего СССР.

Доктор исторических наук *Р.Евзеров* (ИСПРАН) в своем выступлении попытался объединить историко-политологический и социологический подходы. Последний нашел отражение в анализе сохраняющейся

“социальной зависимости” российских работников от предприятий — явления, характерного для различных типов экономики, но особенно — для советской. Система такой зависимости была построена в более широкую систему, где главной фигурой выступало “партийно-государственное руководство”. Теперь указанное явление теряет свое значение, хотя некоторые крупные предприятия все-таки поддерживают традицию “социальной зависимости”. Евзеров обратился к теме политического консенсуса и конфликта, причем в исторической ретроспективе. Так, касаясь послефевральской ситуации 1917 г., докладчик отметил, что не только большевики и другие левые радикалы, как обычно утверждают, но и мощные правые силы занимали откровенно антиконсенсусные позиции. Противостояние “ветвей власти” в 1993 г. вызывает у автора реминисценции из эпохи революции и дает ему основание усомниться в том, что доминантой российской истории XX в. было стремление всех сменявших друг друга политических элит добиваться компромиссов. Относясь к этой антиконсенсусной “традиции” как укоренившейся реальности, докладчик призвал тщательно изучать ее.

По-иному проблему соотношения традиций и новаций решали в своем выступлении шведские ученые *М.Сверке* и *А.Шёберг*, представившие доклад на тему: “Роль поведенческих стереотипов профсоюзного движения в Швеции: срез рационалистической теории”. Если в России, как показали наши соотечественники, проблема идентификации работника с его предприятием вырастает из традиции (тезис о “социальной зависимости” у Евзерова), то в Швеции такая идентификация воспринимается, как это ни выглядит парадоксально, явлением относительно новым и быстро развивающимся в связи с трансформацией традиционных функций профсоюзов. Другая традиция — заключение централизованных соглашений — разрушается за счет переноса многих решений производственного характера на более низкие уровни. По существу, авторы представили подробное социологическое исследование о поведении членов профсоюзов в свете профсоюзных обязанностей и добровольного участия в профсоюзной деятельности. В методологическом плане речь идет об исследовании двух типов рационального поведения — инструментального и ценностного. Через них выявляются мотивации и стереотипы поведения, от которых зависят и меняющееся положение, и действия профсоюзов. Чем выше степень ценностно-рационалистических обязанно-

стей в сравнении с инструментальной базой мотивации, тем активнее и плодотворнее профсоюзное движение.

Кандидат исторических наук *Б. Кагарлицкий* (ИСПРАН) утверждал, что ни схема “классового противостояния”, ни схема “социального партнерства” не могут быть приложимы в их классическом виде к нынешней российской действительности. И связано это с устойчивостью феномена корпоративизма, существовавшего в течение всего советского периода. Основа его — взаимная заинтересованность рабочих и администрации друг в друге. Она позволяла первым терпеть издержки “штурмовщины” и низкий уровень охраны труда, а второй — мириться со слабой дисциплиной на производстве. Эта корпоративность совершенно другого свойства, чем на Западе, считает Кагарлицкий. В последние годы она не только не исчезла, но напротив, обрела новые силы. Корпоративизм оказался многоликим — это и “директорские забастовки”, и преобладание конфликтов отрасли с властью над внутриотраслевыми конфликтами, и формирование отраслевых и региональных лоббистских группировок и т.д. Корпоративность проникает и в политическую область: у левых партий (КПРФ, аграрии) корпоративный фактор нередко играет большую роль, чем “традиционные ценности” (прежде всего связанные с привычным пониманием классовой борьбы). Корпоративизм захватывает и профсоюзы, как “традиционные”, так и “альтернативные”, что крайне усложняет картину соперничества между ними. “Либеральные реформы”, считает Кагарлицкий, отнюдь не создали систему трудовых отношений, подобную западной. В профсоюзном движении РФ все более заметной становится линия поведения, слагающаяся из “антибюрократического” и “антибуржуазного” векторов, что ставит под сомнение политику “либерализма по-русски” и “русский консенсус”.

Перекликался с этими идеями и доклад о социальном партнерстве в России, с которым выступил кандидат исторических наук *В. Рупец* (ИСПРАН). По его мнению, реформы в России, в первую очередь в отношениях собственности, не состоялись. Государство по-прежнему полновластно в экономике, а западная “триада” не сложилась: государство выступает у нас не как арбитр, а как распорядитель. Ссылаясь на лидера Соцпрофа С.Хромова, докладчик назвал эту систему “односторонним треугольником”, в котором представлены лишь интересы государства. Констатируя торжество “старой” модели над декларируемой “новой”, Рупец

считает, однако, что корпоративные отношения могут развиваться в систему “корпоративной демократии”. Она выступает как антипод и тоталитаризму большевистского типа, и фашизму, допускавшему частнокапиталистическое предпринимательство.

Г. Пирогов (ИСПРАН) выдвинул лозунг: за реабилитацию корпоративизма. Он предложил искать в этом феномене социальное будущее России. Подчеркивая универсальность корпоративной модели, равно пригодной, по его словам, и для крупных (Япония), и для малых (Австрия, Швейцария) стран, выступавший также поддержал положение, которое сформулировал Рупец, — о том, что именно корпоративизм в состоянии оплодотворить “национальную идею” в России.

Закljučая дискуссию, С.Пронин отметил, что доклады и выступления на научной встрече выявили как общие черты в развитии социальных процессов в Швеции и России, так и их различия, а также сближения и расхождения в трактовке этих процессов учеными двух стран. В нарисованной участниками встречи картине социальных отношений в России и Швеции выделяется в качестве общей черты демократизация этих отношений — как исторически целесообразный путь общественного прогресса. Стержнем же демократизации выступает “рационально и социально оправданный консенсус труда и капитала”. Его обеспечивает прежде всего профсоюзное движение как носитель устойчивых демократических тенденций. Формирование системы социальных отношений консенсусного типа затруднено в России тем, что трудящиеся массы и особенно интеллектуальная часть общества практически отстранены от активного участия в процессе реформ. Возник определенный разрыв между целями проводимых реформ, включающими гармоничное развитие различных секторов экономики, демократизацию корпоративных институтов, создание системы социального партнерства и обеспечение социального мира, и реальной практикой реформаторов. “Корпоративно-государственный” квазикапитализм в сегодняшней России не выдвинул “объединяющих идей типа общенациональной солидарности”. Преодолеть эти негативные тенденции процесса модернизации России можно лишь соединив волю политической элиты с активным участием масс в этом процессе. Рабочее и профсоюзное движение могут и готовы включиться в данный процесс — таков один из главных выводов российско-шведского colloquiuma.

Присоединимся к позитивной оценке международной научной встречи, которую дал Пронин, и добавим несколько штрихов к картине. Стороны, безусловно, проявили большой интерес к проблематике работы и друг к другу; гости поблагодарили руководство ИСПРАН за хорошую организацию дискуссии. И все же объективности ради надо сказать, что на заседаниях ощущался некоторый перекося в сторону сегодняшней российской проблематики: слишком увлечены наши специалисты отечественной “злостью дня”, чтобы “отвлекаться” на шведские сюжеты. В тени остались многие теоретико-методологические проблемы, без уяснения которых трудно разобраться в этом “дне”. Со своей стороны, шведы едва касались российских проблем. Дискуссия шла, таким образом, в двух разных плоскостях, почти не пересекавшихся. Другое, быть может, парадоксальное, наблюдение состоит в том, что шведские авторы были более критичны, чем россияне, по отношению к реально существующей социально-экономической системе на Западе. В докладах гостей просвечивались идея поиска социалистического идеала, определенная неудовлетво-

ренность снижением уровня преобразовательной активности, традиционно отличавшей скандинавскую социал-демократию.

В выступлениях ряда российских участников содержался мощный критический запал, направленный в сторону власти имущих. Однако любопытно, что критика эта велась в лучшем случае с тред-юнионистских позиций. Поэтому представляются, например, не слишком отличимыми друг от друга конформистская умеренность Согрина, склонявшегося к оправданию нынешнего порядка вещей, и “левонастроенность” Кагарлицкого, не скрывавшего свои симпатии к силам “социального протеста”. В том и другом случае просматривается — на фоне отрицания уже рухнувшего строя — неясный образ благополучного мира, более или менее напоминающего сегодняшний Запад. В связи с этим полезным представляется, на наш взгляд, напоминание шведских ученых о том, что любая социальная система оставляет место для критики, что “консенсус” — не цель, а средство обеспечить успешное развитие экономики и все более справедливо распределять создаваемые обществом материальные и духовные блага.

*Н. С. Плевако,
кандидат исторических наук, (ИСПРАН)*